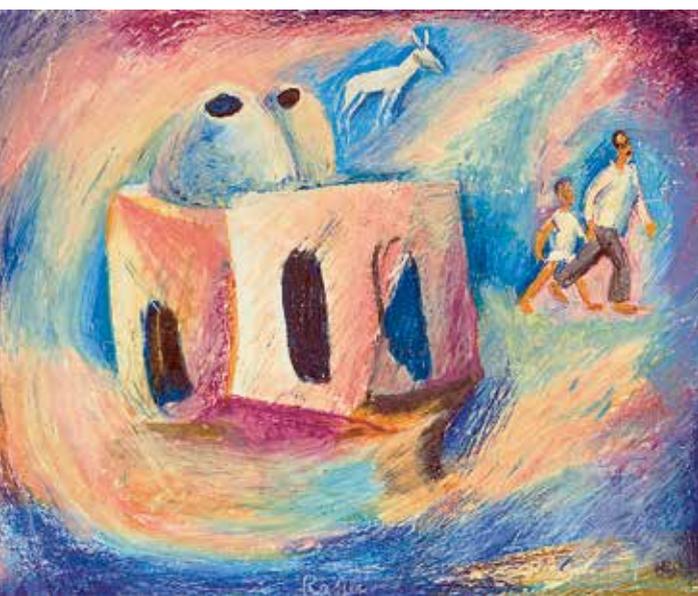

«Женщина с узелком», 1999 год

«Сон дива», 1986 год

«Весна», 1973 год

ских работ, часто построенных на контрасте — белого и черного, пятна и линии. Не будем настаивать на авестийском вельфлинианстве, не будем настаивать и на гармоническом балансе бинарных оппозиций — все же дивов в этом сказочном мире куда больше, чем ангельских сил. А главное, они — спящие и бодрствующие, пакостничающие и мечтательные, в аду и в раю, в радости и горе («Раненый див» — это, верно, ответ «Демону поверженному» Михаила Врубеля) — живет и соблазнительнее. Художник говорил, что дивы для него — олицетворения людских пороков, но всепоглощающий порок, похоже, один — сладострастие. Не только плотское, хотя див, появляющийся на самодельной ширме между Адамом и Евой, а также его многочисленные коллеги готовы свидетельствовать об обратном. Сладострастие и ненасытность дара, когда все, бумага, холсты, тарелки, ширмы, скульптурки из папье-маше, стены и двери мастерской в «Доме художников» на проспекте Строителей, фасад этого дома — дай ему волю, расписал бы всю семиэтажку — заполняется образами. Нельзя сказать, что это был окончательный разрыв с действительностью и уход в мир фантазий: эхом Карабаха и «черного января» отозвались «Беженцы», фигурки женщин-сороконожек, закутанных в ковер и с тюком-пропеллером на голове, что семян из рисунка в рисунок с начала 1990-х. Их можно принять за иллюстрацию к рассказу Рея Брэдбери «И все-таки наш», где люди попадают в другое измерение. Они действительно попадают в другое измерение — измерение живой и плодоносящей мифологии.

Русский музей, Мраморный дворец, до 24 ноября